

Литературное

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Мосиф

БРОДСКИЙ

*Ветный
скиталец*

Александр Бобров

**Иосиф Бродский.
Вечный скиталец**

«Алисторус»

2014

УДК 821.161.1.09 Бродский И.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Бродский И.

Бобров А. А.

Иосиф Бродский. Вечный скиталец / А. А. Бобров —
«Алисторус», 2014

ISBN 978-5-906979-23-0

Спросите любого даже в наше не столько располагающее к литературе время: кто такой Иосиф Бродский? Большинство ответят, что он из диссидентов, нобелевский лауреат — великий российский поэт. Но ведь «поэт в России — больше, чем поэт». Он — властитель дум миллионов. И Бродский таким был, по крайней мере в среде единомышленников. Ведь недаром на Западе у русскоязычных граждан давно считается, что «Бродский действительно своего рода Пушкин XX века — настолько похожи их культурные задачи... Он застилает горизонт. Его не обойти. ...Надо либо подчиниться и подражать, либо отринуть его». Так кто же он, Иосиф Бродский, подобно Вечному жиду, скитавшийся по миру: гениальный поэт или раздутый до непомерных размеров ангажированный литератор?

УДК 821.161.1.09 Бродский И.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Бродский И.

ISBN 978-5-906979-23-0

© Бобров А. А., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

Вздоги поэзии	5
Памятник Пушкину	13
Отступление кинематографическое: торопливо вздрогнул	16
Отступление политическое: Сталин и истопник	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Александрович Бобров Иосиф Бродский. Вечный скиталец

Вздохи поэзии

Бродский – великий маргинал, а маргинал не может быть национальным поэтом.

Сколько у меня стихов о том, что придет мальчик и скажет новые слова. А пришел весь изломанный Бродский.

Евгений Евтушенко



Иосиф Бродский умудрялся в своих стихах, обращенных к другим поэтам, давать характеристику себе. «Грызун словарного запаса» – эта строка из стихотворения, посвященного Кушнеру, как нельзя лучше подходит к самому антигерою этой книги под названием «Вечный жид Иосиф Бродский». В начале XVII века почти ни о чем другом не говорили, как только о Вечном жиде, сперва в Германии, затем во Франции, Бельгии, Дании, глуше – на Руси. Вечный жид рисовался в воображении народа как неприкаянный путешественник, который обречен скитаться до второго пришествия и прощения, который взбудораживал страны своим появлением в христианских храмах. О нем писали книги, баллады, пели песни, спорили. Переиздания, переводы и перелицовки на разных европейских языках следовали во множестве: образ бывшего иерусалимского сапожника, который ударил Спасителя, высокого человека с длинными волосами и в оборванной одежде, владел воображением людей в течение целой эпохи. В еврейской энциклопедии сказано: «Вечный жид – персонаж многих средневековых легенд. Он был осужден на вечное скитание за то, что глумился над Иисусом или ударил его на пути к месту распятия. Большинство вариантов легенды имеет отчетливую антиеврейскую направленность».

Это проверенный ход – сразу обвинить творца фольклора или автора другой крови в антиеврействе. Но данная книга, по возможности трезво оценивающая творчество того, кто был тщеславен и высокомерен до мании величия, направлена против бесчисленных эпигонов – «грызунов языка» и поющих осанну, подобно русскоязычному литературоведу, живущей на Западе: «Бродский действительно своего рода Пушкин XX века – настолько похожи их культурные задачи... Он застилает горизонт. Его не обойти. Ему надо либо подчиниться и подражать, либо отринуть его, либо впитать в себя и избавиться от него с благодарностью. Последнее могут единицы. Чаще можно встретить первых или вторых». Автор этой книги – из вторых. Из отринувших и твердо знающих, что Пушкин на все века – один.

В Москве, на Новинском бульваре, накануне дня рождения Пушкина – появился памятник Иосифу Бродскому. Он был отлит еще в 2008 году, а решение о его установке было принято в 2009-м. Для того, чтобы страшную работу Г. Франгуляна – автора надгробия Ельцину – все же увидели и ужаснулись ею москвичи, понадобилось несколько судебных разбирательств:

вакантное место занимал пункт обмена валюты, который, несмотря на постановление правительства Москвы, удалось демонтировать только через суд. Уродливое (под стать памятнику) коммерческое препятствие, здравый смысл (при чем тут принципиальный немосквич Бродский?) и все архитектурно-эстетические соображения были преодолены, и на Новинском бульваре, недалеко от посольства США (где ж еще!), состоялось торжественное открытие памятника поэту. Либеральные СМИ выразили восторг по поводу этого события, а на открытие пришли все свои – приятели и почитатели поэта. В топорной же скульптурной композиции можно увидеть две группы: не только друзей, но и врагов. Сам Бродский в дорогом костюме и элегантных итальянских ботинках победительно стоит, сладострастно закинув голову. Это не гонимый советской властью за инакомыслие ленинградский поэт, но торжествующий Бродский-американец, уже получивший Нобелевскую премию и всемирное признание.



Памятник Иосифу Бродскому и Владимиру Высоцкому.

Творческая мастерская и музей Зураба Церетели на Большой Грузинской улице, Москва

«Это кто такой так встал? Это кто себе позволил? Это будет удар, вздрог! Здорово получилось! Два цветка... ему сейчас уже не нужно, да ему и никогда не было нужно, он смотрел в небо. Два цветка Иосифу и пять – тем, кто за него бился, кто так хорошо его «вставил» в Москву, что мимо не пройдешь», – восклицал Сергей Юрский. Да уж – такой вздрог, так вставил... Мне подумалось, глядя на телеэкран, лучащийся восторгами: а почему у нас так стремительно ставят памятники Окуджаве, Бродскому, но никому почему-то в голову не придет требовать поставить памятник на Софийской набережной, например, всенародно любимому Николаю Рубцову, который учился в Москве, состоялся здесь как поэт и написал лучшее стихотворение о Московском Кремле, возвышающемся напротив:

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!

«Молод тот, кто еще не солгал» – это замечательно точное высказывание французского писателя Жюль Ренана я часто повторяю своим студентам в Московском государственном университете культуры и искусств. Заочникам читаю курс «Сценарное мастерство» и даю перед экзаменом задание: написать телесценарий по двум стихотворениям на выбор – Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» или Бродского «Ты поскачешь во мраке по

бескрайним холодным холмам». Критик Лев Аннинский писал: «Тут в параллель с Рубцовым прямо-таки просится Иосиф Бродский. Там холмы и тут холмы. Пусть знатоки источников решат, кто кому обязан: то ли Рубцов подсказал лейтмотив Бродскому, то ли подхватил у Бродского... С такими переключками вообще надо быть осторожными».

Но меня-то больше всего интересует сам выбор молодых и уже немолодых студентов. За три потока выявилась любопытная закономерность: все, кто уже отравлен современным ТВ и не раз лгал, все нерусские москвичи (питерцы имеют свой Университет культуры) и, напротив, пыжащиеся провинциалы – выбирают Бродского; все, кто еще не привык врать и верит в высокое предназначение журналиста, кто обладает более высоким и патриотичным творческим потенциалом, выбирают Рубцова. Тех и других – почти поровну, но выявилась еще одна важная закономерность: сценарных поисков, находок и образных попаданий значительно больше у тех, кто выбрал стихи Николая. И это легко объяснимо, если сравнить хотя бы любую его законченную строфу с тягучими стихами Иосифа:

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, мое божество!

Помню, одна архангелогородка весь сценарий построила через рубцовскую лодку, плывущую по северной реке – пустую, с отроком, с влюбленной парой. И впрямь, какой простор для образных решений, распахнутый ясной и сильной метафорой!

А вот холодная невнятица другого автора:

Все равно – возвращенье... Все равно даже в ритме баллад
есть какой-то разбег, есть какой-то печальный возврат,
даже если Творец на иконах своих не живет и не спит,
появляется вдруг сквозь еловый собор что-то в виде копыт.

Никто не может ничего придумать «в ритме баллад», кроме копыт крупным планом, икону сквозь ельник. Но ведь у Бродского Творец «на иконах своих не живет и не спит» (!?) – здесь привычная поэтическая размытость, мнимая многозначительность. «У Бродского своя судьба, а у Рубцова – своя, – пишет Николай Коняев. – Незачем насильственно сближать их, но все же поражает, как удивительно совпадает рисунок этих судеб. Одни и те же даты, похожие кары, сходные ощущения. Даже география и то почти совпадает. Правда, в 1971 году Рубцов не уехал никуда. Его просто убили. Но с точки зрения Системы, стремящейся избавиться от любого неудобного ей «образа мысли», это различие не было существенным...» Мы уже давно живем в другой «системе» с маленькой буквы, и теперь ясно видим, как резко разошелся посмертный «рисунок судьбы»: один стал лауреатом Нобелевской премии, героем либерального истеблишмента, любимцем ТВ, а другой – просто самым издаваемым и любимым народным поэтом без всякой информационно-телевизионной раскрутки. Поразительно! Да Коняев и сам это понимает: наверное, ни одна его книга не переиздавалась столько раз, сколько книга о Рубцове с вариациями.

Перечень «100 книг» по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, одобренный Министерством образования и рекомендуемый школьникам к самостоятельному прочтению, вызвал яростные споры, умные или ядовитые комментарии, которые сводились с нашей, с русской, стороны к тому, что в списке мало почвеннической, патриотической литературы (нет Василия Белова!) и слишком много книг антисоветчиков и западников – от Василия Аксенова до Людмилы Улицкой. Правда, мне один литератор признался, что ему понравился

список хотя бы тем, что в нем есть Николай Рубцов, но нет Иосифа Бродского. Наивная душа! Он не понимает, что, коль нет в этом списке, значит, он прочно обосновался в самой обязательной программе.

В мае 2010 года в Санкт-Петербурге на факультете филологии и искусств СПбГУ прошла международная научно-исследовательская конференция «Иосиф Бродский в XXI веке». Учителей и методистов-словесников пригласили принять участие в работе «круглого стола» «Произведения Бродского в школьной программе (на уроках литературы)». Сообщалось, что участники секции «Произведения Бродского в школьной программе» вместо научно-исследовательских материалов могут присылать авторские учебно-методические разработки учебников по творчеству Иосифа Бродского. Понятно, наивные почитатели Рубцова? – уже учебники по Бродскому пишутся! Бедные школьники...

«Вспомним русскую поэзию, – пишет академик Всеволод Троицкий. – Какое слово в ней является ключевым? Конечно, слово *любовь*, *люблю*. Например: «Люблю Отчизну я...», «Люблю дымок спаленной жнивы...» (М.Ю. Лермонтов) «Люблю грозу в начале мая...», «Я лютеран люблю богослуженье...», «Люблю глаза твои, мой друг...», «Люблю смотреть, когда созданье Как бы погружено в весне...» (Ф.И. Тютчев), «Люблю дорожку лесною, Не зная сам куда брести...», «Люблю тебя, месяц, когда озаряешь...», «Люблю я горные вершины...» (А.Н. Майков) и т. д. А теперь приведем несколько стихов О.Мандельштама, включенного в школьную программу: «...И Батюшкова мне противна спесь...». Не угодил, видите ли, русский поэт Батюшков Осипу Эмильевичу! И еще: «Я ненавижу свет Однообразных звезд...» Или: «Как я ненавижу пахучие древние срубы...» Нелишне напомнить, что вся Россия была деревянной, и «пахучие древние срубы» – это типическая картина старой Руси, России, которая мила русскому сердцу и которую О.Э. Мандельштам (я не виню его в этом) в сущности, не сумел полюбить... Ведь он искренно говорил о себе («мы»): «Мы живем, под собою не чуя страны...» Не чуял. Можно ли за это осуждать? Нет. Но ставить как образец такое отношение – недопустимо.

Теперь о Бродском, которого так старательно «делают» гением и совершенно неосновательно сравнивают с самыми великими поэтами. Оставим в стороне его русофобские выпады и обратимся к его поэтическим достоинствам. Вот что пишет о его стихах лауреат Нобелевской премии, академик РАН А.И. Солженицын: «Бродский «нередко снижается до глумления», «смотрит на мир...с гримасой неприязни, нелюбви к существующему». Чуждый «русской литературной традиции, исключая расхожие отголоски, оттуда выхваченные», этот поэт «почти не коснулся русской почвы» и т. д. Так зачем же навязывать школьникам беспочвенную поэзию? Нелишне учесть также, что И. Бродский, как выразился И. Шарыгин, «постепенно терял свой русский язык». Почему же такой поэт включен в школьную программу «взамен» настоящих классических русских поэтов?» Ответ напрашивается сам: потому что его поэзия созвучна общему направлению современной культурной политики: вытравить русский дух. К примерам академика можно еще добавить Александра Блока, который обращался к нищей России: «Твои мне песни ветровые, как слезы первые любви». Снова пронзительная любовь даже к нищим избам. О, знал бы Блок, кто посмеет беспардонно судить о творчестве поэта, который боялся, «чтобы распутица ночная от родины не увела». Вот диалог тех, кого распутица увела в США:

Иосиф Бродский: Блока, к примеру, я не люблю, теперь пассивно, а раньше – активно.

Соломон Волков: За что?

Бродский: За дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих проявлениях чрезвычайно пошлый.

Мало ли о чем могут гнусно трепаться два русофоба, однако это беспрерывно публикуется в журналах и книгах! Но вернемся к поспешно возведенному памятнику. Нобелевское лауреатство персонажа совершенно ни при чем. Лауреатами не стали ни Блок, ни Ахматова, увековеченные в бронзе, ни Твардовский, но многие деятели культуры и даже еврейские вме-

няемые литераторы понимали, что просто неприлично открывать памятник Бродскому раньше многострадального памятника Александру Твардовскому, которому долго не находилось места даже рядом с редакцией «Нового мира» в канун 100-летия со дня рождения поэта и 70-летия начала Великой Отечественной, с дорог которой шагнул к читателю великий образ Василия Теркина!

«Я не могу вам цитировать Бродского наизусть, потому что у него особая мелодия стиха и нужно просто быть профессионалом, но я очень люблю Бродского, много его читал», – оправдывался министр культуры Александр Авдеев. Хотелось воскликнуть: ну, на худой конец, тогда пусть вспомнит хоть строчку из «Василия Теркина» у памятника классику советской поэзии, если дождется этого события на своем посту... Не дождался, дипломат.

В журнале «Звезда» (1997, № 7) появился небольшой материал Бенгта Янгфельдта с одним стихотворением из архива Бродского и послесловием о том, как Иосиф, несмотря на настойчивые приглашения, не пожелал приехать в Москву, которую никогда не любил и не понимал: «Осенью 1990 г. готовилась в Москве телепередача с названием «Браво-90», куда пригласили Бродского. В Москву поехать он не захотел. Я тогда снял видеофильм с ним (в Швеции, где он в то время находился), которое показал в телепередаче, куда пригласили и меня. Была также приглашена моя жена Е.С.Янгфельдт-Якубович – исполнять песни на стихи русских поэтов. Узнав об этом, Иосиф вдруг сказал: «Подождите, у меня есть что-то для вас» – и пошел за портфелем (это все происходило у нас дома). Со словами: «Вот это вы можете положить на музыку», он дал ей авторскую машинопись стихотворения «Песенка о Свободе», написанного в 1965 г. и посвященного Булату Окуджаве. Положенная на музыку моей женой, «Песенка» была впервые исполнена ею в программе «Браво-90», показанной в начале 1991 г., но, по-видимому, нигде не напечатана.

Жена много говорила с Иосифом о песне, о том, какое значение имеют для нее стихи, положенные на музыку. Но она никогда не задавалась целью петь Бродского, зная, что другого просодического выражения, чем собственное, он не признает – он очень не любил, когда актеры читают или поют его вещи. Тем не менее мелодию «Песни» она сочинила – очевидно, поэт счел, что именно это стихотворение, с его балладным настроением, подходит для такой жанровой метаморфозы».

Привожу начало этого «вздрагивания поэзии» с дешевым приемом парадокса, не имеющего ни намека на балладу:

Ах, свобода, ах, свобода.
Ты – пятое время года.
Ты – листик на ветке ели.
Ты – восьмой день недели.
Ах, свобода, ах, свобода.
У меня одна забота:
почему на свете нет завода,
где бы делалась свобода?

Как это нет? Есть целые государства – заводы по производству свободы – США, Израиль, Латвия, где Юрий Лужков хотел получить гражданство. Да мало ли... Только вот памятники озабоченным любителям свободы ставят почему-то в Москве.

Яков Гордин написал в своем эссе: «Ленинград, Петербург был для него удивительным сочетанием пространства и времени. И, быть может, время играло в его восприятии города большую роль, чем пространство. В августе 1989 года Бродский писал мне из Стокгольма: «Тут жара, отбойный молоток во дворе с 7 утра, ему вторит пескоструй. Нормальные дела; главное – водичка и все остальное – знакомого цвета и пошиба. Весь город – сплошная Петроградская

сторона. Пароходы шныряют в шхерах, и тому подобное, и тому подобное. Ужасно похоже на детство – не то, что было, а наоборот».

Последняя горькая фраза многое объясняет. Ленинград был для него не столько тем, что произошло в реальности, сколько миром несбывшегося. Это был город юношеских мечтаний и потому особенно любимый... В юности Бродский стремился к слиянию с городом, ища в нем жизненной опоры. «Да не будет дано умереть мне вдали от тебя...». (Еще одно несбывшееся пророчество. – А.Б.)

С самого начала и до последних лет жизни Петербург был для него не просто городом, который он любил, но средоточием всего самого важного: несчастья и любви, озарений и отчаяния, гордости и горечи. Бродский был великий путешественник, объехавший полмира. Но движение в пространстве – акт механический, движение во времени – творческий акт. Ленинград – Петербург для Бродского существовал во времени ярче и явственней, чем в пространстве».

Но и Яков Гордин нисколько не протестовал, чтобы первый монументальный уличный памятник поэту появился в реальном московском пространстве. Хотя, конечно, еще в ноябре 2005 года во дворе филологического факультета Санкт-Петербургского университета по проекту К. Симуна был установлен формально первый в России памятник Иосифу Бродскому. Но скульптура во дворе – это не парадный и вызывающий монумент! Кстати, место памятника в Питере выбрано не случайно.



В эвакуации. Ося с матерью и теткой. Череповец, 1942. Фото А. И. Бродского.
Из архива М. И. Мильчика

Сам Бродский рассказывал Рейну про желание учиться в ЛГУ: «Впрочем, я думаю, что у меня была некая аллергия, потому что когда я видел какие-то обязательные дисциплины – марксизм-ленинизм, так это, кажется, называется, – как-то пропадало желание приобщаться... Но все – таки помню, как я ходил по другому берегу реки, смотрел алчным взглядом на университет и очень сокрушался, что меня там не было. Надолго у меня сохранился этот комплекс...» Теперь, по Фрейдю, комплекс вытеснен и компенсирован памятником во дворе. Но Москве-то совершенно незачем было комплексовать и отличаться.

* * *

Три явных потрясения-повода побудили меня сесть за большую статью и даже книгу о Бродском и иже с ним, чтобы разобраться в чуждом творчестве, отталкивающем образе мыс-

лей и строе поступков, но не ради какого-то развенчания маргинальности, как сказал Евтушенко (понятно, что теперь это не под силу любому автору, СМИ или творческому объединению!), а во имя главного – приближения к разгадке его влияния на огромное количество не слепых почитателей (никогда – клянусь! – не слышал, чтобы кто-то с восторгом цитировал стихи Бродского в застолье или в литературном споре, напевал его стихи, положенные неисчислимыми бардами на скучные мелодии), а на современных апологетов и эпигонов Бродского в поэтической среде. Это просто какое-то наваждение, общее место на пустом месте.

Лет десять назад Валентин Распутин пригласил меня на знаменитый фестиваль «Байкальская осень». В первое же утро, до всяких встреч и приемов, прямо из гостиницы Иркутска я поспешил солнечным утром на берег Ангары. Передо мной открылось величественное зрелище. Могучая река несла свои темно-бирюзовые воды, и струи ее то свивались, то плавились в сверкающем свете, а довольно-таки убогие строения на другом берегу скрашивались вереницей желтых лиственниц и синеющими всхолмиями да угорами, которые поднимались за городской чертой. Бирюзовое, золотое и синее – торжество любимых цветов Андрея Рублева... Потрясенный этим завораживающим зрелищем, я вернулся к коллегам, и мы отправились в соседний Иркутский университет, на филологический факультет. Вошли в фойе и меня как громом поразило. На стене был прикреплен огромный плакат первой научно-практической конференции в учебном году: «Пушкин и Бродский». Не пушкинские мотивы и традиции в творчестве Бродского или (пусть так!) «Бродский против Пушкина», а четко: «Пушкин и Бродский», как два равновеликих поэта, прямо – на равных: Пушкин и Бродский! Я только развел руками, а увидевший мою растерянность Валентин Григорьевич сказал: «Да, у нас вот так, Саша, на филфаке!».

Встречи были теплыми, и прогулка по славному морю Байкала была хороша, но больше всего, кроме неприятной кражи бумажника с паспортом в гостинице, запомнился анонс такой вот конференции в университете. Потом это стало обычным явлением. В Англии живет ярая поклонница Бродского, влюбленный в него профессор Валентина Полухина, которая издала 15 книг о своем кумире. Представляя одну из них на радио «Свобода», она тоже не подыскивала особо оригинальных сравнений: «Я считаю, что Бродский действительно своего рода Пушкин XX века – настолько похожи их культурные задачи». А какие задачи? Помню, в одной из радиопрограмм в день рождения Пушкина были приглашены какой-то молодой поэт и почетный старец Лихачев. На вопрос ведущей, в чем же непреходящая ценность Пушкина? – стихотворец начал что-то мямлить про вечный поиск формы, про тематическую всеохватность, а литературовед был краток: «Пушкин выразил национальный идеал!» Вот она – главная задача поэта. Какой же идеал и какой национальности полнее всего выразил Бродский? Думаю, скорее, англо– и еврейско-американский, чем русский. Если исключить его лучшие стихи северного цикла.

И вот уже некто О.А. Кравченко на другом конце державы, в Донецке пишет литературоведческую работу, спокойно называя ее «Пушкин и Бродский»: «Творчество И.Бродского, нередко именуемого «современным классиком», является уникальным соединением предшествующих идей и смыслов. Как заметил Ю.М. Лотман, «...творчество Бродского питается многими источниками, а в русской поэзии все культурно значимые явления приводят, в конечном счете, к в той или иной мере трансформированной пушкинской традиции».[7,Т.3,294]. Ну, это ясно – все и вся восходит, но ведь нет работ «Пушкин и Кравченко» с безумными оборотами «в той или иной мере».

Сергей Довлатов (еще одна дутая фигура того же происхождения!) пишет письмо Георгию Владимову и, проходя, упоминает о другой подобной работе, вернее, даже о безумном шаге вперед – Бродский выше Пушкина: «Если понадобится псевдоним, то подпишите – Д. Сергеев. Инициалы «С. Д.» не годятся, так подписывается в РМ Сергей Дедюлин. Между прочим, этот Дедюлин напечатал лет десять назад в «Вестнике РХД» статью «Пушкин и Бродский» (срав-

нение шло в пользу Бродского), подписал эту статью «С. Д.», и весь Ленинград был уверен, что это именно я помешался на почве любви к Бродскому». На самом деле статья «Пушкин и Бродский» («Вестник РХД», № 123, 1977 подписана инициалами Д. С. (не С. Д.), перепечатана из самиздатского журнала «37». Ее автор – не С. Д., и не Дедюлин, а Владимир Сайтанов; может быть, и сравнения «в пользу Бродского», в статье еще нет. Но само сопоставление жизненного пути и творчества Бродского с судьбой нашего национального гения вызывало в ту пору даже у Довлатова ощущение непомерного возвеличения Бродского. С годами это ощущение кощунства искусственно притупилось и размылось: ну, чего там долго рассуждать – оба гении...

Между тем его друг, а в какой-то мере учитель и нынешний воспеватель совершенно спокойно пишет: «Со временем Бродский вообще становится стопроцентно безрадостным поэтом, в его стихах все более и более проявляются элементы необарокко, так как он обладал замечательно изощренным зрением, он умел вытащить метафору из любого положения, из любого слова. И хотя все эти метафоры или минорны, или злоязычны, или презрительны, но тут нет какого-то всемирного наплевательства. Он и по отношению к себе почти всегда выступает с такой отрицательной краской. Вот вспомним, как он себя описывает: «Кариес, седина, стыдно где...» – значит, он себя вполне заносит в тот серый минорный пейзаж, который он создает, глядя на наш мир». Более точную и совершенно антипушкинскую характеристику просто невозможно дать!

Исследователь творчества Бродского и его друг Петр Вайль уже спокойно отмечает, что последние дни Бродского «прошли под знаком первого русского поэта», и книгами, оставшимися после смерти на рабочем столе, были антология греческих стихов и томик пушкинской прозы. Сам же Бродский в заметках о поэтах XIX века писал следующее: «Пушкин дал русской нации ее литературный язык и, следовательно, ее мировосприятие». Бесспорная истина, но Кравченко, как и прочие, словно забывает о пушкинском пророчестве: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал» и начинает темнить: «Выстраиваемая Бродским прямая зависимость мировосприятия от языка в его оценке пушкинского творчества соотносима в его собственной поэзии с особой онтологией языка как некой основы бытия, содержащей в себе существование и смысл, ценность и конкретные оценки. Язык, обретающий в поэзии Бродского статус Абсолюта, тем не менее, нуждается в поэте, усилиями которого он и живет, реализуя свою творческую сущность». Туманно, но цель достигнута: поэты рассматриваются в одной плоскости, в равных духовных измерениях, без нюансов: оба классики.

Кстати, и сам Бродский стал с годами дерзко отзываться о Пушкине. В беседе с Соломоном Волковым он сказал: «Принято думать, что в Пушкине есть все. И на протяжении семидесяти лет, последовавших за дуэлью, так оно почти и было. После чего наступил XX век... Но в Пушкине многого нет не только из-за смены эпох, истории. В Пушкине многого нет по причине темперамента и пола: женщины всегда значительно беспощадней в своих нравственных требованиях. С их точки зрения – с цветаевской, в частности, – Толстого просто нет. Как источника суждений о Пушкине – во всяком случае. В этом смысле я – даже больше женщина, чем Цветаева. Что он знал, многотомный наш граф, о самоосуждении?». Правда, на Толстого, почему-то нелюбимого всеми еврейскими литераторами, в конце тирады съехал, но ореол полнотности, всеобъемлемости Пушкина – затемнил.

Как Маяковский и Есенин, сам Бродский тоже обращается по-свойски к памятнику Пушкину, причем, берет эпитафию из Э. Багрицкого, которого по эстетической, классовой и любой другой сущности должен был бы отторгать. Но нет – чувствует кровное родство с певцом революционных чисток и пускания в расход.

Памятник Пушкину

...И Пушкин падает в голубоватый колючий снег.

Э. Багрицкий

...И тишина.
И более ни слова.
И эхо.
Да еще усталость.
...Свои стихи
доканчивая кровью,
они на землю глухо опускались.
Потом глядели медленно
и нежно.
Им было дико, холодно
и странно.
Над ними наклонялись безнадежно
седые доктора и секунданты.
Над ними звезды, вздрагивая,
пели,
над ними останавливались
ветры...

Пустой бульвар.
И пение метели.
Пустой бульвар.
И памятник поэту.
Пустой бульвар.
И пение метели.
И голова
опущена устало.
...В такую ночь
ворочаться в постели
приятней,
чем стоять
на пьедесталах.

И эта бытовая, неуместная очевидность – «ворочаться в постели приятней, чем...» подставляй что угодно: стоять на эшафоте, мерзнуть в окопе, работать под снегом – все, что может предъявить «ровня Пушкину» перед лицом русского гения? Даже и говорить, по существу, не о чем...

Второе потрясение – участие в программе Александра Гордона «Закрытый просмотр», куда я попал... через Турцию. В центре города Сиде находится небольшой уютный отельчик 3*. Я приехал туда открыть купальный сезон в конце русской весны и поработать. А вообще Сиде слывет идеальным местом для влюбленных пар с тех самых пор, когда, по преданию, в городке

устроили себе романтическое свидание Клеопатра и Марк Антоний. Что-то ни с работой, ни с влюбленностью не заладилось, и я бродил между античных развалин, возле античного театра с высокими арочными сводами, возведенными во втором веке до нашей эры, и площади, бывшей когда-то невольничьим рынком.

А больше сидел на веранде, возле бара, за бокалом плохого турецкого красного вина – караменыз шарап. Вокруг меня и дамы зрелые крутились, и более молодые современники подсаживались. В незнакомой компании заговорили о поэзии (кому-то, наверное, я ляпнул, что стихотворец), и вдруг блондин по имени Алексей спросил: «А как вы относитесь к Бродскому?» Дело шло к вечеру, я был уже разгорячен слегка и выдал по полной. Суть – коронная: дутая величина! Тут Алексей спросил: «А можете вы это же самое, но чуть помягче, повторить в программе Гордона?». – «Да где хочешь повторю – мягче, жестче...». Помощник Гордона попросил у меня визитку и, действительно, вскоре позвонил в Москву, прислал СД с записанным фильмом «Полторы комнаты». Я в два присеста досмотрел эту тягомотину, да еще наушники пришлось искать для ноутбука, потому что там много бытовых якобы разговоров с помехами, сливающихся бубнящих голосов, заунывного чтения стихов – в основном, Вениамином Смеховым, по-моему.

В общем, подготовился, выписал некоторые цитаты из Бродского, у которого ни одной строфы не могу запомнить, кроме, конечно, цитированной и не осуществленной: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать...» Почитал даже дамские рецензии, они просто кишели восторгами: «Фильм наполнен стихами. Они звучат без надрыва и пафоса, звучат не потому, что в фильме о поэте они непременно должны быть, а потому, что они – концентрированное выражение времени. Подборка и их вкрапления – высоко профессиональны, они не просто производятся за кадром, но, порой, служат и фоном для диалогов (например, в пивной посетители общаются строчками из Бродского)» или: «Анимация (в т. ч. рисунки поэта), стихи, хроники, видеозаписи с Бродским – все то, что трудно сочетается, слилось в удивительно органичную по композиции историю. Все, что есть в фильме – уместно, а это особенно важно, когда речь идет о гении, чей образ жив в памяти современников. Здесь нельзя превозносить, но и недооценивать невозможно». Кстати, надо добавить к словам восторженной дамы: в рисунках Бродского – много упитанных котов (по полтора кота!) да и сам он любил фотографироваться с котами на руках.



Мемориальная доска на доме Мурузи в Санкт-Петербурге, где жил поэт

Ну, и конечно, не было пределов умиления по поводу актеров: «Здесь все приемы не новы, но сочетание их выверено режиссером абсолютно. Здесь не возникает желания, как «под-

резать» какие-то части фильма, – потому что всего в меру, а один кадр вмещает больше, чем на нем отображено. Вообще это фильм, в котором больше хочется говорить о тех, кто за кадром, может потому, что актеры Алиса Фрейндлих, Сергей Юрский – вне всяких сравнений, а внешнее сходство и манера речи Григория Дитятковского порой создают документальность истории: так похоже все на правду».

Так что, настроившись смотреть шедевр, я испытал страшное разочарование, но затянутый фильм мне на многое открыл глаза. Я сидел в студии, конечно, на той стороне, где высказывались приглашенные гости, считающие, что этот фильм смотреть не стоит. В день съемок была страшная жара, чувствовал я себя после бурного общения с друзьями накануне – неважно, но понимал, что выступаю у Гордона два раза – первый и последний, а потому без тени сомнений и дипломатичности ринулся в бой. Высказал все, что думал. Оставили, как всегда, далеко не все. Тогда я решил опубликовать рецензию на фильм, высказав попутные впечатления-размышления. Поразительно, что я нигде не смог ее опубликовать: в «Советскую Россию» прямо утром, по горячим следам, написал другой автор, а все остальные издания – от «Завтра» до «Литературной газеты» – не проявили к статье интереса. Я ли тому виной или Бродский? – не знаю, но в статье, считаю, кое-что дельное высказал. Вот эта не вышедшая статья.

Отступление кинематографическое: торопливо вздрогнул

*В иной стране – прости! – в ином столетье
ты имя вдруг мое шепнешь беззлобно,
и я в могиле торопливо вздрогну...*

Иосиф Бродский

«Ну, вот мы и стали жить в иной стране, в новом столетье. В этой стране 24 мая теперь редко по ТВ вспоминают о празднике славянской письменности и культуры, о дне рождения великого писателя Михаила Шолохова, зато все телеканалы и газеты наперебой обращаются не столько к поэзии, сколько к биографии Иосифа Бродского, который родился совершенно не в «свой» день, который в 90-е годы все-таки не захотел приехать в родной Питер даже по личному приглашению мэра Собчака. В году 70-летия Бродского показали не телефильм с инсценировками, как ведется на НТВ – «Точка невозврата» Об этой тенденциозной ленте НТВ, с психушками, слежками, планами угнать самолет и фразами типа: «В колхозе Бродский работал, как все – *выращивал* (выделено мною. – А.Б.) сено...» даже говорить не буду. Обращусь к двухчасовому полотну режиссера Андрея Хржановского (сценарий Юрия Арабова и самого режиссера) – первому, так сказать художественному, игровому фильму «Полторы комнаты», показанному, натурально, по Первому, конечно, в программе Александра Гордона с обсуждением. Вспомню подробнее: во-первых, в передаче с большим количеством участников всего не скажешь, а, во-вторых, и от сказанного далеко не все остается.

Вспоминая ту конференцию, которой огорошил меня Иркутский университет – «Пушкин и Бродский» – я боялся, что фильм будет сделан в этой плоскости: Пушкин и Бродский, тем более, что город на Неве и политические преследования их как бы объединяют. Но до таких высот создатели фильма и не посягнули подняться. В Центральном доме литераторов перед домашним просмотром я листал книгу Людмилы Штерн о Бродском «Поэт без пьедестала». Более всего мне не понравилась там одна фраза: «Мы были свои, мы были из его стаи». Все-таки, согласитесь, Иосифа Бродского нам лет двадцать подают как общенационального, а не стайного поэта. Более того, великого поэта XX века, а великие – выше стаи, кагала, нации даже. Я с этим возвеличиванием порой письменно и устно спорил, но вдруг появился фильм, который не вызывает никаких сомнений насчет моей правоты. Более антибродского фильма не снял бы и заклятый враг поэта.

Конечно, ночной просмотр и его обсуждение – это отчасти реклама, промоушен явно неудавшегося, духовно ничтожного фильма, который никогда не пойдет на широком экране, но все-таки надо было сказать хоть несколько слов правды, и я с готовностью пришел в студию, чтобы обозначить, проанализировать причины этого провала. Коллектив картины, судя по титрам, огромный, средств, включая бюджетные, было вложено с лихвой. Но почему же это получилось даже хуже, чем фильм о Сергее Есенине с Сергеем Безруковым в роли поэта? Главная причина, конечно – органическое, патологическое непонимание сегодняшними кинематографистами поэзии, ее природы, ее духовных высот. Нелюбовь к ней! Два режиссера, на мой взгляд, понимали и любили поэзию. Арсений Тарковский как талант и сын поэта, и гениальный Василий Шукшин, вышедший духовно из народной песни. Памятник им и поэту-сценаристу Шпаликову стоит у ВГИКа. Теперь мы имеем ситуацию полного непонимания поэзии и безлюбости, отторгающей лирику. Кажется, что все в этом фильме, где звучат или проборматываются стихи (причем на три голоса), поэзию – не любят. Все поголовно! Мать в исполнении Алисы Фрейндлих – Маша, как зовут ее в фильме (так же зовут кошку моих внуков),

припечатывает: «Ты прости, Йося, но мы никогда не понимали твоих стихов». То же самое могут повторить все герои и создатели ленты.

После просмотра фильма даже хотелось защищать Бродского – от расхожих штампов, бытового мусора, от навязываемого 5-го пункта, наконец! Да, фильм мне органически не понравился, но ведь кто-то смотрел его и до меня. Он получил целую кучу каких-то призов – Гордон их долго перечислял. О фильме писали, но как! Прочитирую строки из восторженных и потому убийственных рецензий: «Поэту была мала эпоха, и фильм о нем идет на опережение». Каков слог! – «на опережение»... Чего? – суда времени или программы Гордона?

Верх восторга, журналистский писк: «Не важно, как вы относитесь к Иосифу Бродскому, любите или нет, понимаете или нет, знаете или нет, – этот фильм для всех и каждого. Фильм Андрея Хржановского, как ни парадоксально, менее всего о Бродском». Вот те раз! Тогда зачем его обсуждали по ТВ? Если бы это был фильм о скромном диссиденте из Ленинграда – колыбели нынешней власти, об одном из Иосифов, названных в честь Сталина – разве бы возникла дискуссия? И наконец, последняя цитата из Эмилии Деменцовой, которая и подсказала эпиграф с названием статьи: «Многое ушло безвозвратно, ушел и Бродский, но он предвидел: «В иной стране – прости! – в ином столетье / ты имя вдруг мое шепнешь беззлобно, и я в могиле торопливо вздрогну». «Торопливо вздрогну» – ужасно непоэтично, просто антипушкински, если вспомнить упомянутую конференцию в Иркутском университете. Но зато перекликается со «вздогами» Сергея Юрского.

В последних титрах (до них ни один нормальный зритель, даже любитель поэзии – в кинозале или дома – по-моему, не дотянет) сказано: «Авторы заверяют, что фильм является вымышленным произведением». Не понял. Тогда и назовите героя в плохом исполнении Григория Дитятковского просто «поэт» или «Йося» и не морочьте людям головы. Все-таки мы кое-что читали и понимаем, что многие эпизоды здесь продиктованы, навяны или впрямую связаны с автобиографией Бродского, его беседами с Соломоном Волковым. Например, воспоминание о том, как пытающегося забраться на поезд старика поливают кипятком. Ужасный кадр, но еще страшнее сегодняшние официальные сообщения, что на юго-западе Москвы действует банда, убивающая пенсионеров. То есть бесчеловечная действительность – расширяется и потрясает. Но в ней все-таки есть, выживает поэзия. С ней в фильме – полный крах.

Первая главная неудача – выбор сценариста. Юрий Арабов начинал как стихотворец. Он судит о любом поэте со своих позиций, но забывает завет Крылова – «Суди, дружок, не выше сапога». Какого размера и роста у него сапоги – неведомо. Друг поэта – Евгений Рейн крайне неудачно снялся в этом фильме (слишком грузен и стар для встречи в тех далеких годах) и байка его неуместна с финалом: «Везде и повсюду жида» – кто мог это сказать на Брайтон-Бич? Такой же еврей. Но своим присутствием в кадре он как бы выразил согласие с позицией создателей. А настоящий поэт должен бы – взбунтоваться! Вот для меня главная загадка – почему принял, из конформизма, из желания засветиться? Ведь в 60-е годы он входил в круг так называемых «ахматовских сирот» (вместе с Иосифом Бродским, Дмитрием Бобышевым, Анатолием Найманом), он знает и любит поэзию. Наконец, к юбилею он написал глубокую статью в «Литературку», где сказал о Бродском безжалостно точно: «...Видимо, в нем был и момент моральной опустошенности, чему очень, в общем, соответствует его судьба. Ранние гонения, бедная жизнь, измены возлюбленной, предательство друзей, расставание с родителями и необходимость выжить в новой среде, в эмиграции, – все это требовало какого-то жесткого и отстраненного взгляда на вещи. И он где-то в душе этот отрицательный цинический взгляд, безусловно, хранил, и некоторые корни его поэзии именно из этого душевного слоя и произросли».

Заметим, кстати, что «отрицательный циничный взгляд» не свойствен ни одному великому русскому поэту – ни гонимому Пушкину, ни трагическому Блоку, ни даже эмигранту Бунину. Кстати, и читатели на форуме «ЛГ» сразу откликнулись в таком духе. Ярослав Дом-

бровский пишет: «Все тот же Бродский... Есть такая поговорка: – «Кукушка хвалит петуха...» Так и автор панегирика о Бродском. Ну, если евреи не похвалят сами себя – кто их еще похвалит? Даже Нобелевский комитет дано уже понял, что оказался в руках политиков, присваивая премии бездарным литераторам не за ЛИТЕРАТУРУ, а за ДИССИДЕНСТВО». Но перед обсуждением фильма ночью меня осенило, почему Рейн согласился так странно сняться. Ведь Бродский назвал его как-то своим учителем. Но после вручения Нобелевской премии этому никто уже не верил: как? – мало известный Рейн учитель!? Но, поглядев фильм, зрителям становится ясно, что учителем подобного Бродского может быть кто угодно: Рейн, Арабов, Сара Моисеевна из соседнего подъезда. Но уж не Батюшков, Баратынский, Платонов и Слуцкий, как оно было на самом деле.

Как же так получилось оно?
Кто натравливал брата на брата?
Что – двоим и в России тесно?
И в Америке тесновато?

Так писал Евтушенко, еще не оскорбленный Бродскими и пытающийся встать с ним на одну доску. Так что, Рейн решил избавиться от второго, чтобы не было тесно?

Иосиф Бродский – имперский поэт, по-своему эпический, отстраненный, хладный (не холодный даже, а – хладный, как Санкт-Петербург). Откуда это взялось, как вырос подобный характер в балтийских болотах? – вот что самое интересное, но опущенное в фильме. Поэт признавался: «Вы знаете, когда мне было шестнадцать лет, у меня возникла идея стать врачом. Причем нейрохирургом. Ну, нормальная такая мечта еврейского мальчика. И вслед появилась опять-таки романтическая идея – начать с самого неприятного, с самого непереносимого. То есть, с морга. У меня тетка работала в областной больнице, я с ней поговорил на эту тему. И устроился туда, в морг. В качестве помощника прозектора. То есть, я разрезал трупы, вынимал внутренности, потом зашивал их назад. Снимал крышку черепа».

Этого в фильме – нет.

Ладно, тут грубость жизни. Но нет и работы Бродского в геологической партии, о которой сам он увлеченно рассказывал! Нет его прикосновения к северной природе:

Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
серых цинковых волн, всегда набегавших по две,
и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос,
вьющийся между ними, как мокрый волос...

В фаршированной рыбе фильма даже случайный волос не попадает. Там нет и тени истинной биографии поэта. Ведь, кроме полутора комнат, куда он похотливо приводил девушек (перегородка с чемоданами тряслась в кадре от экстаза), он все-таки постигал жизнь, оказывался в ее эпицентре.

Анна Ахматова в исполнении Светланы Крючковой появляется на миг с бутылкой водки на переднем плане и предрекает скорый суд над неизвестным поэтом. Но где же ее главное пророчество перед ссылкой в Норинское: «Рыжему делают судьбу (в другом варианте – карьеру)». Ведь в самую точку попала! Здесь – истоки Нобелевской премии.

Самуил Волков спрашивает про ссылку в Архангельскую область:

– А стихи вы там писали?

– Довольно много. Но ведь там и делать было больше нечего. И вообще, это был, как я сейчас вспоминаю, один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше – пожалуй, не было». От этого лучшего периода в фильме – одни невыразительные картинки

самого Бродского. А ведь туда приезжали и друзья, и любимая, там были написаны самые светлые строки, наконец:

В деревне Бог живет не по углам,
Как думают насмешники, а всюду.
Он освещает кровлю и посуду.
И честно двери делит пополам.

Создатели фильма двери пополам не умеют делить или не хотят. У них – одна створка. И то больше ресторanno-буфетная. Таких сцен с выпивкой в фильме достаточно. Бродский писал на холодном канцелярите:

Коньяк в графине – цвета янтаря,
что, в общем, для Литвы симптоматично.
Коньяк вас превращает в бунтаря.
Что не практично. Да, но романтично.



В эвакуации. Череповец, 1942 г. Фото А. И. Бродского. Из архива М. И. Мильчика

Тут Некрасов со строчкой «Купец, у коего украден был калач...» – просто Моцарт.

Но если о местечковой Литве – не получилось, то об империи – иногда удавалось, но в стихах, а не в дежурных интервью. Вот как он описывает в интервью Соломону Волкову день смерти Сталина:

«Я тогда учился в этой самой «Петершуле». И нас всех созвали в актовый зал. В «Петершуле» секретарем парторганизации была моя классная руководительница, Лидия Васильевна Лисицына. Ей орден Ленина сам Жданов прикалывал – это было большое дело, мы все об этом знали. Она вылезла на сцену, начала чего-то там такое говорить, но на каком-то этапе сбилась и истошным голосом завопила: «На колени! На колени!» И тут началось такое! Кругом все режут, и я тоже как бы должен зареветь. Но – тогда к своему стыду, а сейчас, думаю, к чести – я не заревел».

По-моему, это вошло в фильм, но я этой чуши не помню. Мне хватает своего промозглого мартовского дня в замоскворецкой школе № 12. Нас, второклашек, собрала первая учительница Екатерина Никитична в строгом сером платье, всхлипнула и сказала: «Сегодня занятий проводить не будем». Я помчался радостный по Кадашевской набережной домой, шлепая по весенним лужам, но дома на следующий день взял «Пионерскую правду» и прочитал стихотворение какой-то школьницы. Помню его строчки до сих пор. Оно начиналось так:

Мартовский ветер холодный,
Флаги у каждых ворот.
Горе волною огромной
Весь захлестнуло народ...

Бродский любил своего отца-моряка, военного фотокорреспондента, который весьма плох в исполнении Сергея Юрского, похожего на дядю Митю из «Любви и голубей», но не с флота, а из Бердичева. По иронии судьбы, Юрский, сыграв

еврейского отца Бродского, который назвал сына в честь Сталина, потом сам сыграл вождя народа и борца с космополитами в бездарнейшем, сразу забытом телефильме.

Отступление политическое: Сталин и истопник

Вместо рецензии на телефильм «Товарищ Сталин»

*Не спала жена, встречает:
– Где ты, как? – душа горит...
– Да у Ленина за чаем
Засиделся, – говорит...*

А. Твардовский. «Ленин и печник»

Сталин жил на ближней даче,
Где звенела сосен медь.
И желал (никак иначе)
Тридцать градусов иметь.

Он отбился от народа,
Был врагами окружен
И сильнее год от года
Проклинал друзей и жен.
Жить хотел как будто вечность,
Править миром был готов.
И совсем про человечность
Позабыл. Но вдруг – Козлов!

Лейтенантик, близким ставший,
Не читавший умных книг,
Хоть от робости дрожавший,
Но исправный истопник.

Сталин с ним курил сигары,
Правил в «Правду» матерьял,
Тары-бары-растабары
На тропинках затевал.

Сталин жил на ближней даче,
От завистников устал,
Но Козлов, хлебнувший чачи,
Убивать его не стал.

Верным быть вождю поклялся,
А жена Козлову бряк:
– Где ты, с кем всю ночь прошлялся?
– Пил со Сталиным коньяк...

...Режиссерша И. Гедрович
Смело вывела на свет

Всю властительную сволочь,
Но, конечно, прошлых лет.

Вот зачем в финале близком,
Истопник почти без слов
Остается сталинистом,
Потому что он... Козлов!

Кстати, Бродский называл имперский Андреевский флаг лучшим флагом в мире! Вот пророческие строки, чисто имперские:

Лучше быть голодным и усталым,
Чем холопом доедать обеды,
Лучше быть в Империи капралом,
Чем царем – в стране-марионетке.

Как это злободневно звучит сегодня по отношению ко всем странам, твякающим на Россию! Но Бродский в нелепой кофте из местечкового фильма никогда бы не написал таких строк.

Сэр Исая Берлин на вопрос, почему Бродский, уже будучи лауреатом Нобелевской премии, избегал Израиля, подчеркивал:

«...Он не хотел быть еврейским евреем... На вопрос «Кем вы себя считаете? «Бродский отвечал: «Русским поэтом». Он не был иудеем ни по вере, ни по мироощущению...». Создатели фильма начисто опровергают это заявление.

Евгений Евтушенко в интервью «Московскому комсомольцу» сказал, как отрезал: «Бродский – великий маргинал, а маргинал не может быть национальным поэтом. Сколько у меня стихов о том, что придет мальчик и скажет новые слова. А пришел весь изломанный Бродский». Именно такого Бродского – из эпиграфа к этой главе – нам и навязывают по всем телеканалам любители проехаться в Нью-Йорк и Венецию для съемок на халяву. Теперь там посибаритничала большая съемочная группа фильма «Полторы комнаты». Ясно одно после просмотра: Бродского поставили на место, столкнув с усиленно воздвигаемого пьедестала великого русского поэта. Он торопливо вздрогнул, но фильм сработал на правду».

Эта статья, повторяю, не была опубликована, но, готовя ее, я обратился к целому ряду работ и полемик не только о Бродском, но и вообще к современному толкованию еврейской темы в искусстве. Например, неизвестный мне автор Андрей Буровский написал целую книгу «Вся правда о российских евреях», к которой взял эпиграф из А. И. Солженицына: *«Правду всем надо уметь выслушать. Всем на свете. И евреям тоже»*. Он там и впрямь рубит правду, как шашкой – направо и налево, демонстрирует начитанность, знание еврейской истории и состав крови всех поминаемых героев. Вот характерный отрывочек: «Национальность семей меняется, хотя чаще всего не за одно поколение. Сохранился прелестный анекдот: как-то на придворном балу к маркизу де Кюстину подошел император Николай I.

– Маркиз, по-вашему, тут все русские?

– Конечно, ваше величество.

– Ничего подобного! Вот это – поляк, вон тот немец. Это – татарин, это – грузин, это – крещеный еврей, а вон там – финн.

– Тогда где же русские?!

– А вот все вместе они русские.

Действительно, а как насчет правнука раввина Александра Блока? Как насчет белогвардейца Абрама Самойловича Альперина, главы Осведомительного агенства в правительстве генерала Деникина? Автора лозунга: «Лучше спасти Россию с казаками, чем потерять ее с

большевиками»? Они кто? А автор добрых русских сказок про теремок и про козла, кормившего бабу и деда, Самуил Яковлевич Маршак? Еврей, да? А автор детской классики, Мухи-Цокотухи и Бармалея, еврей по отцу Корней Чуковский?

Или прав еврей на четвертую часть, великий русский ученый Лев Николаевич Гумилев? Прав в том, что есть суперэтноты, этноты и субэтноты? Это уже хоть что-то объясняет: например, то, что Маршак мог быть одновременно этническим евреем и в то же время русским интеллигентом, частью русского суперэтноты.

Не случайно на Западе четко различается национальность как подданство и этническое происхождение, которое в документах не учитывается и является глубоко частным делом. Как цвет волос или привычка поедать морковь на ужин.

Кстати, насчет определения еврея по матери... В том, что некоторые евреи считают «своими» детей именно еврейки, а не еврея, некоторые видят пережитки матриархата и тем самым доказательство невероятной древности еврейства.

Но многие еврейские народы ведут счет этнического родства вовсе не по матери, а по отцу: китайские евреи, персидские еврей-таты, еврей Йемена. И по отцу, и по матери считает человека евреем Реформистская синагога».

В общем – ничего не поймешь, кроме одного посыла: у многих выдающихся поэтов и ученых была еврейская кровь и потому – особый ум. Этому-то главному интеллектуальному открытию посвящена отдельная глава: «Предательское утверждение». Приведем ее: «Наверное, это очень нехорошее, предательское и возмутительное утверждение. Но я искренне считаю – евреи действительно умнее нас. Нас – это в смысле любых гоев. В том числе и поэтов они составляют заметную часть элиты в любой стране, где евреи есть, а преследование евреев не очень сильное.

Поэтому – а не в силу деятельности масонских лож или тайного мирового правительства.

Евреи действительно интеллектуальнее остального населения Земли, и очень многие явления их истории порождены именно этим. Догнать их – это единственный способ действительно победить евреев, стать «не хуже».

К сожалению, чаще всего христиане выбирали другой путь – путь фиктивной победы. То есть изгоняли, ритуально презирали, игнорировали их превосходство. И придумывали самые невероятные объяснения того, почему «они» успешно конкурируют с «нами». Ведь если «они» – хитрые заговорщики, подлецы, обманщики... Тогда они вовсе и не превосходят нас ни в чем! У них не только можно не учиться... у них нельзя учиться! Ни в коем случае!

История взаимоотношения евреев и христиан – это история векового непонимания друг друга. Вина в нем, как всегда, обе стороны, но зададимся вопросом все-таки о своей половине вины. Почему гои веками не желали ничего слышать о том, что евреи их хоть в чем-то превосходят? Почему так упорно отыскиваются самые невероятные признаки заговора, групповщины, сговора, глобального обмана... одним словом, какой-то нечестной игры?

А потому, что так приятнее думать. Гоям, видите ли, обидно. Как в песенке Окуджавы: «Кричат им вослед „дураки!“, „дураки!“ // А это им очень обидно». Ишь, ходят тут всякие носатые, да еще носы задирают, будто шибко умные!»

Ну вот, и Окуджаву процитировал, не указав, какой он национальности: мол, и так ясно. После таких глав как-то и развенчивать дутую фигуру малообразованного Бродского неловко становится: просто, дескать, автор завидует признанному гению, который всех гоев в XX веке превзошел. За это его в СССР русские и гробили. Что из того, что топил его, как потом и Евгения Рейна, еврей-авантюрист и карьерист Лернер, о котором Рейн целую новеллу в «Литературке» написал? Имеет ли какое отношение к выдворению Бродского то, что в это время ничего не могло решиться без «грека» Ю. Андропова? Нет, только черная зависть русских, которые носятся со своими Есенинами, Клюевыми, Рубцовыми и Кузнецовыми не позволяют им пасть ниц перед гениальностью Бродского. Но мне, дружившему со многими евреями – студентами,

туристами, литераторами, печатавшему лучшие поздние стихи Б. Слуцкого, заочно сделавшего Бродского поэтом, глубоко плевать на вековое превосходство априори. Я хочу понять, в чем внушаемое нам и уж тем более молодым поэтам первенство?

Наша многострадальная страна находится в таком периоде, когда «преследование евреев было не очень сильное», как выражается автор, и евреи впрямь составляют большинство в финансовой, торговой, пропагандистской элите. А ведь были года в XX веке, когда, напротив, они преследовали коренное население, навязывали свое мировоззрение, царили в официальной литературе. Автор «Всей правды о российских евреях» сам приводит ярчайшие примеры антирусской, антиправославной, да, кстати, и антиеврейской поэзии:

«Лирический герой стихотворения Багрицкого отвергает вовсе не русский и не какой-то абстрактный, а вполне конкретный, осязаемый и узнаваемый еврейский быт. Отвергается в первую очередь система ценностей, ориентиров. Ее сторонники, «ржавые евреи», как раз и скрестили острия своих «косых бород», чтобы не дать ребенку коснуться звезды новой жизни.

И медленно, как медные полушки.
Из крана в кухне капала вода.
Сворачивалась. Набегала тучей.
Струистое точила лезвие...
– Ну как, скажи, поверит в мир текучий
Еврейское неверие мое?
Меня учили: крыша – это крыша,
Груб табурет. Убит подошвой пол.
Ты должен видеть, понимать и слышать,
На мир облокотиться, как на стол.
А древоточца часовая точность
Уже долбит подпорок бытие.
...Ну как, скажи, поверит в эту прочность
Еврейское неверие мое?



С отцом. 1951 г. Фото М. М. Вольперт. Из архива М. И. Мильчика

Автору хочется другого мира – не диалектического, текучего, не стабильного, патриархального... а сюрреалистического, безумного:

И все навыворот,
Не так, как надо.
Стучал сазан в оконное стекло;
Конь щебетал; в ладони ястреб падал;
Плясало дерево,
И детство шло.

Такой вот мир подарила Эдуарду Багрицкому звезда революционного счастья, а не пускали его в этот чудный новый мир паршивые «ржавые евреи», сдуру полагавшие, что пол находится снизу, и ловившие сазанов в реках, а не в облаках.

Что может удержать юношу в этом скучном, ржаво-положительном мире? Любовь? То, что сказано о любви в стихотворении «Происхождение», я вынес в эпиграф.

Родители?
Но в сумраке старея
Горбаты, узловаты и дики,
В меня кидают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки».

Но ведь и Бродский «ловит сазанов» в холодных облаках и, по сути, порывает со своими родителями-евреями. Вернемся к фильму и образу еврейского поэта.

Мать Бродского умерла в 1983 году, отец – год с лишним спустя. Допустим, что перед этим им не позволили совершить поездку к сыну, который уже перебрался в Нью-Йорк. Но почему он ничего не придумал для встречи в третьей стране, а главное, не приехал на могилу родителей, когда его так звали в Россию с перестроечных времен?

В фильме «Полторы комнаты» есть характерная сцена. Собралась какая-то богемная компания в Нью-Йорке, льется красное вино. Бродский решил под ее шум и гам позвонить маме.

- Ты меня слышишь?
- Я тебя слышу?
- Ты откуда?
- Оттуда.
- Единственное, что мы хотим в жизни – увидеть тебя. Что ты делал вчера?
- Мыл посуду.
- Мыть посуду – это полезно.
- Что ты ешь?
- Сейчас, например, ел омаров. Раков помнишь? Омары еще больше и противнее.

Связь прерывается (намек, наверное, что прослушивают и прерывают «там»). Бродский садится за стол, Рейн дает ему прикурить и рассказывает анекдот-быль: «Идем в темноте. Подходит какой-то тип. Спрашивает закурить – Бродский отдает ему всю пачку. Потом тот говорит: «У вас доллара не найдется?». Бродский дал ему десять. В это время я щелкнул зажигалкой, огонек осветил наши лица, и тогда попрошайка говорит: «Кругом одни жида!».

Бродский подходит к микрофону и начинает петь, перепутав порядок строк в песне Долматовского и Фрадкина: «После трудов (вместо после тревог) спит городок»... Все подхватывают советскую песню, доходят до строк:

Ночь коротка, спят облака.
И лежит у меня на ладони
Незнакомая Ваша рука...

«Стоп-стоп-стоп! – кричит Бродский. – Вы неправильно поете: надо «и лежит у меня на погоне». Вспыхивает спор. Бродский подходит к старой княгине чуть ли не императорской фамилии, которую у нас в перестройку любили показывать по телевизору, и спрашивает: «Ваше высочество, как надо петь?». Та не к месту сквозь шум декламирует скабрёзную частушку. Слышится только две последние строки:

Погляди, честной народ:
Нет, не тот меня е..т.

Смех, гвалт. Тогда Бродский снова набирает телефон мамы.

– Мама, хочу задать вопрос. У нас еще пластинка такая была. Как там пелось: «И лежит у меня на ладони или погоне незнакомая Ваша рука?». Мама поет правильно: «После тревог спит городок... И лежит у меня на ладони...». Потом подходит отец, подпевает. Мама в исполнении Фрейдлих начинает рыдать от нахлынувших воспоминаний, Юрский ее обнимает.

– Мама, что случилось? (Пауза.)

Не дождавшись ответа, сынок спокойно кладет трубку. Очень характерная сцена. А говорят, что мама для еврейского сынка – это все... А каковы стихи памяти матери:

Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга,
нет! как платформа с вывеской «Вырица» или «Тарту».
Но надвигаются лица, не знающие друг друга,
местности, нанесенные точно вчера на карту,
и заполняют вакуум. Видимо, никому из
нас не сделаться памятником. Видимо, в наших венах
недостаточно извести. «В нашей семье, – волнуясь,
ты бы вставила, – не было ни военных,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.